

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рубанцова Т. А., Крутько Е. А. Инновационный подход к проблеме детской безнадзорности: социально-философский анализ // Философия образования. – 2009. – № 3. – С. 83–89.
2. Соловьева И. Ю. Стабильность семьи как социально-философская проблема : Автореф. канд. дис. ... – Воронеж, 2004. – 23 с.
3. Титаренко В. Я. Семья и формирование личности. – М. : Мысль, 1987. – 351 с.
4. Рубчевский К. В. Социализация в современных условиях: социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук. – Красноярск, 2003. – 309 с.
5. Зелянина В. А. Философский анализ проблемы социализации личности : дис. ... канд. филос. наук. – М., 2007. – 157 с.
6. Ковальчук И.Ф. Социализация безнадзорных детей в условиях крупного города: проблемы и перспективы решения : Автореф. канд. дис. ... – Барнаул, 2009. – 18 с.
7. Нагаев В. В. Детская безнадзорность как психосоциальная проблема // Психосоциальные аспекты профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : материалы Рос. межрегион. науч.-практ. конф. / под ред. В. В. Нагаевой. – Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2004. – 200 с.
8. Гукаленко О. В., Данилюк А. Я. Воспитание в современной семье. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.portalus.ru/modules/shkola/rus_show_archives.php?subaction=showfull&id=1193920966&archive=1194448667&start_from=&ucat=&
9. Ковалёва М. И. Нравственно-гражданское воспитание старшеклассников России и США в начале XXI века : моногр. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2008. – 212 с.

УДК 37.1 + 37.013.2

РОЛЬ ВООБРАЖЕНИЯ В ВОСПИТАНИИ ЧЕЛОВЕКА В КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

О. И. Николина (Омск)

В средневековой Европе на основе воображения появляется новый тип трубадуров любви. Это явление дает пример преобразования средневековой культуры, человек образования дорожит показом новой культуры.

Ключевые слова: *система воспитания через воображение, средневековое общество, культура трубадуров, феномен любви.*

THE ROLE OF IMAGINATION IN HUMAN CULTURE EDUCATION IN MEDIEVAL EUROPE

O. I. Nikolina (Omsk)

In medieval Europe on the basis of imagination appears a new type of love troubadours. This phenomenon gives an example of conversion of medieval culture, shows paths education human of new culture.

Николина Ольга Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии философского факультета Омского государственного педагогического университета.

644099, г. Омск, наб. Тухачевского, к. 14.

E-mail: olga_nikolina@mail.ru

Key words: *an educational system through imagination, a medieval society, culture of troubadours, a phenomenon of love.*

В творчестве представителя французского Просвещения Ж.-Ж. Руссо прослеживается настойчивая мысль о том, что воспитание человека нужно начинать с воспитания его чувств. Французский мыслитель настаивает на том, что чувства стоят выше разума, более того, существовать – значит чувствовать. Процесс воспитания человека, по его мнению, необходимо начинать с воспитания его чувственности, следует научить человека «правильно» любить. Умение любить врожденно человеку, любовь к другим проистекает из любви к себе. Мудрое воспитание человека связано с умением направлять любовное чувство как по отношению к себе, так и по отношению к другим. Любовь, таким образом, является необходимым элементом в коммуникации, и становление человека, его совершенствование связано с культивированием чувства любви. Мысль о воспитании с опорой на разум в культуре Просвещения была основной, но только Руссо, пожалуй, так настойчиво заговорил о воспитании чувства. Несомненно, его заслуга состоит в том, что он ввел в философию проблему воспитания посредством чувственности человека, но несколько веков ранее такая практика уже существовала в западной культуре, хотя и не была отрефлексирована. Речь идет о воспитании человека в средневековой Европе, где мы встречаемся с еще более удивительным феноменом – не воспитание чувств, а воспитание человека посредством чувства или переживания.

Феномен любви (далее мы его будем рассматривать в культурно-историческом контексте) является первичным феноменом бытия человека, наряду со смертью, трудом и игрой [1]. Два из них, а именно феномены смерти и любви, задают возможность второго измерения в существовании человека, создавая иное пространство, иную реальность, основанную, с одной стороны, на представлении о потустороннем мире, а с другой – на внутреннем чувстве и переживании. Специфика Средневековья видится в том, что эта иная реальность становится приоритетной не в рамках существования одного человека, а в рамках целой культуры. Каждый из указанных феноменов является точкой выхода в трансцендентную реальность, но своим, специфическим образом. Контроль разума над переживанием акцентирует человека на видимой реальности, не позволяя чувствам «отвлекать» его. В Новое время акцент в философских рассуждениях о человеке был сделан на противоречии чувства как страсти и разума. Превалирование разума «отказывает» чувствам в праве на достоверность, вплоть до утверждения абсурдности переживаний.

Особенность средневековой культуры, в отличие от культуры Нового времени, состоит прежде всего в том, что она «узаконила» воображаемый мир, создавая возможность наполнять его как культурным, так и индивидуальным содержанием. Поэтому мы выдвигаем гипотезу о том, что воздействие посредством заданных культурой форм чувственных переживаний более эффективно в процессе воспитания человека, нежели воспитание через обращение к разуму. В средневековой Европе складывается особая система воспитания через воображаемое. Это воспитание про-

слеживается через изменение положения женщины и изменение отношения к чувству любви.

Рассмотрение проблемы воспитания человека в рамках средневековой культуры следует начать с понятия «воображаемого» как одной из основных категорий при анализе мировоззрения средневекового человека. Дефиницию «воображаемого» французский исследователь средневековой культуры Ле Гофф понимает как образы, порожденные специфическим способом и обладающие огромной властью над человеком. Специфичность заключается в особом восприятии мира средневековым человеком. По мнению Августина, человек обладает двумя родами органов восприятия. Внешние органы чувств и внутренние, по аналогии с внешними. Человек обладает как бы двумя наборами органов чувств: внешними и внутренними (невидимыми). Внутренние органы чувств более значимы, так как они способны воспринимать божественное. «Помимо видимых, наружных органов зрения и слуха есть внутренние, невидимые органы зрения и слуха; невидимые органы чувств гораздо важнее видимых, ибо именно с их помощью воспринимаются божественные видения, слова и звуки самого реального из миров – мира вечных истин. И в этом мире, используя формы мира зримого или же принимая формы мира незримого, существует и функционирует универсум образов и представлений» [2].

Для средневекового человека образы, воспринятые его внутренними органами чувств, были так же явственны (если не более), как и образы, постигаемые внешними органами чувств. С помощью внутренних чувств формировался мир воображаемого. Образы, созданные воображением в Средние века, представляли собой явление коллективное. Воображение выступало одной из форм познания наряду с интеллектом и чувствами, данными человеку для восприятия реального мира. Гуго Сен-Викторский считает воображение «одним из трех “глаз” человеческой души, осуществляющих функцию наблюдения» [3]. Другими двумя «глазами» являются рассудок и разум. Но воображение наделено особой функцией, оно способно проникать туда, куда «закрыт» доступ разуму в силу его природы. Воображение становится средством мистического опыта. И граница между мистическим опытом и опытом реальным становится границей между воображением и разумом.

Перед средневековым обществом стояла задача формирования нового типа человека. Предшествующая римская культура, в недрах которой формировалась христианская религия, утратила контроль над человеком, в результате чего и произошла его деградация, а также деградация культуры. Перед нарождающейся культурой встала задача воспитания человека на новых, прежде всего этических, основаниях которые необходимо было выработать с тем, чтобы задать стимул изменения человека. Эффективным средством, используемым в этих целях, оказалась «работа» с первичными феноменами бытия человека, одним из которых являлся феномен любви. Используя первичные феномены для формирования человека, примерно в XII в., культура формирует их культурные формы, создавая идеал и мотивируя изменения человека.

В Средние века мы встречаемся, как минимум, с тремя отношениями к любви. Первое отношение – отношение церковное (официальное), оно

предполагало греховность женщины, доходившее в своей крайней форме до отвращения и страха по отношению к ней. Основой этого отношения являлась история о первородном грехе. Женщина изначально наделась греховной сущностью такой силы, что мужчина мог «заразиться» этой греховной сущностью.

Второе отношение было распространено в светской культуре, в частности в простонародье. Здесь господствовала страсть к женщине, не предполагавшая глубокого любовного переживания. Основой брака также становился экономический расчет, а не любовное чувство. Женщина, в представлении средневекового человека, не обладала свободой выбора в отношении предполагаемого брачного партнера. Она была товаром наравне с теми вещами, которые выделялись ей в качестве приданого. Соответственно, все достоинства женщины (красота или характер) также приравнивались к качеству товара.

Совсем иное отношение к женщине и феномену любви начинает формироваться в XII в., в нарождающейся культуре трубадуров, оказавшей впоследствии влияние на рыцарскую культуру в целом. Провансальская рыцарская культура в своем основании имела новый образ женщины. По сути, эта культура сделала возможной реабилитацию женщины, связав образ Прекрасной Дамы (земной женщины) с девой Марией. Прообразом нового идеального любовного чувства выступает, на наш взгляд, религиозное чувство, любовь к Богу как единственное допускаемое официальной церковной доктриной любовное чувство, доходящее порой до иступленной страсти в своем крайнем проявлении. Известны факты о страсти в отношении Христа (в женском варианте) или к деве Марии (в Испании существовали целые монастыри, где мужчины приносили обет верности деве Марии); все это требовало от человека отдачи и на уровне души (эмоциональная привязанность), и на уровне тела (например, отказ от половых отношений). Любовь к Христу или деве Марии предполагала, с одной стороны, полную самоотдачу человека чувству любви, а с другой – совершенствование самого человека, который должен быть достоин этой любви. Эти же моменты стали основанием куртуазной любви, изменился лишь объект любви. Новым объектом любви становится земная женщина. Культура начинает требовать от влюбленного соблюдения необходимых правил поведения, проявляющихся не только в момент встречи с возлюбленной, но и в процессе подготовки к встрече с ней. Любовь к Прекрасной Даме становится действенным стимулом изменения самого рыцаря. Ранее таким основанием было понятие чести, доблести. Понятие чести, конечно, сохраняется, но превыше карьеры и славы ставится любовь. «Представление о любви как о страсти, состоянии почти болезненном, оказалось связано с идеей рыцарства, сформировавшейся к кон. XI в., и системой сеньориальных взаимоотношений. Умение любить “истинной любовью” стало описываться как одна из основных добродетелей рыцаря» [4, с. 254].

Любовь требовала постоянного подтверждения верности как со стороны мужчины, так и со стороны женщины. Тексты, которые мы встречаем в жизнеописании трубадуров, свидетельствуют о том, что чувство постоянно проходило проверку: если же мужчина или женщина оказывались неверными или недостойными любви, то влюбленный вправе был потре-

бовать дополнительных испытаний, связанных с физическими страданиями или даже с угрозой для здоровья и жизни. Чаще всего эти испытания назначались дамами для своих возлюбленных, но встречаются истории, когда дама, не доказав своей верности в отношении рыцаря, лишалась его любви и вынуждена была просить его вернуться в обмен на его условия. Нередко такую проверку устраивали сами влюбленные, подсылая другого (или другую) [5, с. 533].

Можно утверждать, что культура трубадуров рождает новое измерение любви. Рыцарь должен быть достоин своей дамы; совершая благородные деяния, он доказывал свою любовь и уровень своего совершенства. Он страдал, в этом страдании и стремлении к идеалу и заключалась цель его любви. «Таким образом, любовь, занявшая место античных муз и диктующая трубадурам их песни, определяется трубадурами как источник совершенства, чистоты и добра, эта любовь облагораживает любящего. По своей природе эта любовь ориентирована не на достижение какой-либо цели, а на переживание, которое одно способно принести влюбленному высшую радость. Эта радость достигается долгим страданием, но добровольно принятое страдание оборачивается для трубадура блаженством» [5, с. 511].

Феномен любви в произведениях трубадуров основан на дистанции между мужчиной и женщиной; но это иного рода дистанция по сравнению с той, какую требовала христианская религия. Дистанция эта была призвана не ослабить или уничтожить чувство любви, а напротив, усилить его. Страдания во имя любви делали объект любви более возжеланным. «Удовольствие, таким образом, заключалось не столько в удовлетворении желания, сколько в ожидании. Само желание становилось высшим удовольствием. В этом – истинная природа куртуазной любви, которая реализуется в сфере воображаемого и в области игры» [6]. Образ любимой, невозможность или отдаленность физического удовлетворения задавали дистанцию чувства у человека, позволяя ему направлять и совершенствовать возникшее чувство. Не находя возможности для выхода страсти в физическом выражении, трубадур видел реализацию ее в духовном страдании – подвигах, творчестве, духовном совершенствовании и т. п. «Куртуазная любовь способствовала утверждению существующего порядка, проповедуя мораль, основанную на двух добродетелях: выдержке и дружбе. Рыцарь должен был уметь владеть собой, укрощать свои порывы. Правила игры, запрещающие грубо овладевать женщинами из хорошего общества, предполагали благородные пути для их завоевания. В то же время в языке трубадуров слову “любовь” постоянно сопутствует слово “дружба”. Чтобы завоевать благосклонность той, кого рыцарь называл своим “другом”, он демонстрировал самоотречение, преданность, самоотверженность в служении» [6].

Опосредованно этот тип любви способствовал воспитанию как мужчин, так и женщин. Положение женщины в аристократическом обществе было таково, что никому в голову не приходило рассматривать ее как личность. Любовь понималась, прежде всего, как плотские отношения. Любовь к женщине не предполагала до куртуазной культуры особого романтического отношения к женщине. Женщина воспринималась как объект

для удовлетворения желания мужчины. Однако в куртуазном типе отношений наличие дистанции, о которой мы говорили выше, предполагало необходимость заслужить расположение любимой (или любимого), для чего требовалась обладать некоторыми добродетелями, ключевыми из которых становились дружба и терпение. Так, Дюби упоминает о том, что практика «*fine amour*» повышала, прежде всего, престиж «мужских» качеств: мужчине надлежало быть смелым и развивать присущие ему добродетели. От женщин требовались и смелость, и осмотрительность. По правилам игры, падение женщин должно было происходить «благородным образом»: им следовало учиться держать себя в руках, владеть своими чувствами, бороться со своими недостатками – легкомыслием, лицемерием, чрезмерным вожделением. Любовная игра в высших слоях общества служила воспитанию женщин. Она, по всей видимости, ни в малейшей степени не имела целью изменить существующий порядок подчинения женщины мужчине: как только игра заканчивалась, женщина возвращалась на отведенное ей Богом место, вновь оказывалась в непосредственной зависимости от мужчины. Однако способствуя душевному совершенствованию женщины, куртуазная любовь подготавливала тем самым условия для ее возвышения.

Дружба возникала как первая стадия куртуазных отношений между мужчиной и женщиной, каждый из них мог проявить собственную индивидуальность. Дружба предполагала платонические отношения между дамой из аристократического общества и молодым человеком. Возведение дружбы в необходимую добродетель означало разведение страсти, основанной на инстинкте, и любви, базирующейся на дружбе. «Мужчина, охваченный сладострастием, не способен по-настоящему любить» [7].

О наличии дистанции свидетельствует и тот факт, что любовь могла возникнуть и без восприятия физического облика женщины. Так, в текстах трубадуров часто встречаются истории о вспыхнувшем чувстве лишь при упоминании имени дамы или увиденного образа. Примером такой любви может служить жизнеописание Джауфре Рюделя, история о том, как Рудель заочно полюбил графиню Триполитунскую, ориентируясь лишь на слухи о ней. Он стремится к ней, идет в крестовый поход, плывет в Триполи, по дороге заболевает, и в состоянии фактически при смерти его доставляют во дворец Прекрасной Дамы, где он и умирает в ее объятиях, благодаря Богу за то, что он позволил, пусть на мгновение, увидеть возлюбленную. В произведениях трубадуров более позднего периода мотив «дальней любви» получает широко распространение. Так, Бертран де Борн полюбил дону Гвискарду, которой посвятил ей очаровательные строфы, прежде чем увидел, а Раймон де Мираваль так расхваливает мадонну Алазаис Буасезон королю Педро Арагонскому, что тот ее полюбил еще, не увидев ее.

Сюжет произведения Джауфре Рюделя строится вокруг переживаний трубадура, а само переживание становится целью любви. Любовь тем ценнее, чем недостижимее удовлетворение плотской страсти. Этот мотив усиливается при синтезе двух феноменов – любви и смерти.

В сочинениях трубадуров явно прослеживается мотив сближения любви и смерти. Смерть выступает не разлучницей, а возможностью для веч-

ного воссоединения влюбленных, разделенных в повседневной реальности и страдающих. Смерть одного из влюбленных часто влечет добровольную смерть другого. Тот же мотив прослеживается в более поздних художественных произведениях романтиков, образцом для которых выступала средневековая поэзия трубадуров.

Феномен смерти снимает конечность, задавая условия для бесконечного чувства. Любовь задает бесконечность в человеке, а синтез любви и смерти задает бесконечность в существовании – в представлении средневекового человека, а позднее и у романтиков. Предпосылкой к этому становится религиозное понимание смерти и посмертного бесконечного пространства. Смерть дарует любви бессмертие, отменяя человеческие законы своим присутствием, ибо после смерти общество невластно над влюбленными; смерть позволяет преодолеть условности общества как препятствия для любви.

Подведем некоторые итоги:

1. Природа человека двойственна, он обладает и чувствами, и разумом. Чувства также имеют двойственную природу: с одной стороны, это чувства, данные человеку для восприятия внешнего мира (пять органов чувств), с другой стороны – чувства для восприятия мира трансцендентного (обозначим их как внутренние чувства или чувство–переживание). Феномены любви и смерти в данном случае выступают культурным и религиозным инструментом для запуска этих чувств, задавая реальность трансцендентальной ситуации и ее доминирование в восприятии мира. Это отражается на иной, нежели у современного человека, роли воображения в системе картины мира. Воображение создает мир потустороннего, в который человек не просто верит, но через который он переживает все события в своей жизни; создается особая манера и ситуация предельности переживания, что предполагает первенство чувственности второго типа в восприятии мира.

Эти предельные переживания, в основании которых лежит воображение как высшая форма второго типа чувств, выступают основаниями восприятия мира; именно они подавляют рациональные и научные матрицы восприятия и интерпретации событий и ситуаций, направляя внимание и мышление по руслу религиозного трансцендентального. В системе воображаемого трансцендентного чувства первого типа сливаются со страстями Христовыми, как чувствами второго типа. Эта «заикленность» всей чувственности на трансцендентное, как меру и русло восприятия, определяет направленность и мысли, и рациональной трактовки мира.

2. В средневековой Европе складывается особая система воспитания человека – через воображение. Развитие любви от христианской и бытовой к куртуазной демонстрирует эффективность этой системы.

Человек Средневековья благодаря воображению как одной из ведущих интеллектуальных способностей получает этический контроль над обыденной жизнью со стороны воображаемого потустороннего мира. Такое воображаемое, во-первых, радикально меняет и восприятие человека, и отношения между полами в высших слоях общества, а во-вторых, создает специфическую систему контроля над внутренним миром человека средневековой Европы, а также над его поступками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Демидов.** Феномены человеческого бытия. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/demid01/index.htm>
2. **Ле Гофф** Средневековый мир воображаемого. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Goff_SrMir/02.php
3. **Данилкина И. И.** Природа и сущность визуального воображения в культурфилософских воззрениях. – [Электронный ресурс]. – URL: http://anaculturolog.ru/ru/component/k2/item/313-article_1.html
4. **Смолицкая О. В.** Куртуазная любовь // Словарь средневековой культуры. – М.: РОССПЭН, 2003. – 664 с.
5. **Мейлах М. Б.** Средневековые провансальские жизнеописания и куртуазная культура трубадуров // Жизнеописание трубадуров. – М.: Наука, 1993. – 735 с.
6. **Дюби Ж.** Куртуазная любовь и перемены в положении женщин во Франции XII в. // Одиссей. Человек в истории. – М., 1990. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://ec-dejavu.ru/c/Courtois.html>
7. **Каппелан А.** Правила любви. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://viparmenia.com/vb/forum16/1185-10840/>